

СУДЬБА БЫКОВ

Вспоминаю, как Вячеслав Курицын, чей роман о ленинградской блокаде должен был вот-вот выйти в свет, огорошил меня странным вопросом: не знаю ли я, где быки, которые стояли у мясокомбината.

«Как где? Там и стоят». Нет, Курицын уверял меня, что теперь там другие, бетонные, тогда как те должны быть бронзовыми. Он специально ездил на них смотреть и убедился, что это подмена. Это не творения Демут-Малиновского. Так решил Курицын.

Василий Иванович Демут-Малиновский больше был известен другими работами – например, скульптурной группой «Похищение Прозерпины Плутоном» перед портиком Горного института, колесницей и скульптурным оформлением арки Главного штаба (совместно с С. С. Пименовым). Памятник Ивану

Сусанину, созданный по его модели, в Костроме после революции решительно снесли, а вот в Ленинграде на долю его быков хоть и выпали приключения драматические, но все же не столь.

О быках Демут-Малиновского я давно хотел написать, останавливало то, что это не совсем по теме. Строго говоря, быки проходят у нас по ранжиру городской скульптуры. Памятники в архитектурном отношении, понятное дело, воздвигаются с тем, чтобы увековечить – кого-либо или что-либо. Бронзовые быки, отлитые в 1827 году, на увековечивание ни исторических лиц, ни событий не претендовали. Место им было определено за Обводным каналом на Царскосельском проспекте (ныне Московском) по бокам трехарочного въезда в Скотопригонный двор, где они и стояли себе много десятилетий. Но, во-первых, эти быки слишком уж монументальны для того, чтобы служить всего лишь городским украшением. А во-вторых, есть у некоторых произведений изобразительного искусства такая способность – изменять в сознании общества свой, что ли, статус. Именно это и произошло с бронзовыми быками.

Тут дело вот в чем. С победой социализма в отдельно взятой стране передний край

идеологического фронта ощутил потребность в сильных и емких художественных образах. После XVII съезда ВКП(б), на котором задание по производству мяса на 1937 год определялось показателем 276% по отношению к 1932 году, возникла и на данном – мясном – направлении необходимость искать визуальные соответствия созидательному пафосу эпохи. Мясисто-плотные бронзовые быки, созданные гением Демут-Малиновского более чем за сто лет до начала второй пятилетки, теперь определенно выражали идеал советских мясозаготовителей. Для полноты восприятия не хватало только архитектурного контекста. Искать его не пришлось. Обоих быков закономерно переместили на край города, за Среднюю Рогатку, на новое место – к широким воротам только что воздвигнутого «первенца мясной индустрии». Демут-Малиновский должен был бы в гробу перевернуться (что буквально и произошло, но об этом чуть позже...), быки явно не были рассчитаны на соседство с грандиозным конструктивистским шедевром архитектора Ноя Троцкого. Но с другой стороны, следует признать, что конструктивистско-индустриальный контекст мясокомбината решительно переобозначил и переподчинил себе

эти своеобразные памятники высокого классицизма – они стали восприниматься, во-первых, как, действительно, памятники, а, во-вторых, как памятники социалистического реализма. Мощь, воля, энергия, жизнеутверждающий оптимизм – «эй, товарищ, больше жизни!» (или вспомним надпись на пьедестале мясокомбинатовского Кирова: «...Чорт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить»), и в то же время – это образцовое скотосырье, обещающее широкий ассортимент пищевой и технической продукции, без пяти минут высококачественная еда, необходимая организму трудящихся. Быки стали памятником победившему социализму. Показательно, что скоро ленинградцы забыли об истинном возрасте быков, большинство считало их ровесниками Ленинградского мясокомбината им. С. М. Кирова.

Между прочим, могло быть и круче. На эскизных набросках еще строящегося комбината, попадавших в те годы в печать, быки изображались на крышах корпусов. Возможно, фигуру быка, украшавшую в проекте крышу цеха предубойного содержания скота, предполагалось создать внове, но кто, спрашивается, мешал, подобно тому, как гнали крупный рогатый скот на шестой этаж

этого цеха (а свиней на седьмой) с тем, чтобы (и тех и других) через особые муфты отправить в убойно-разделочный корпус, кто, спрашивается, мешал, таким же путем доставить, но только уже на самую крышу, бронзового быка Демут-Малиновского? Сдается мне, на то и рассчитывали.

Короче, смущенный сомнительным сообщением Славы Курицына, я отправился на Московское шоссе, чтобы самому решить, кто ж там стоит у чугунных ворот мясокомбината. Обоих быков нашел не в лучшей форме. Выглядели они не очень парадно. На ногах держались уверенно, но по части дерматологии у них явно были проблемы. Шкуры их зашелудились, если понимать под этим облезлости серо-зеленой краски, выдающие прежний слой краски розовой, тоже в свою очередь шелудящейся. Явно быков перекрашивали несколько раз. Местами краска сошла слоями до самого «мяса», и эти участки менее всего напоминали о бронзе. Да, похоже на бетон. Я уже готов был поверить в раскрашенные бетонные заменители, как вдруг увидел на ноге левого быка небольшую проплешину, отнюдь не естественного происхождения: кто-то (но только не Курицын – иначе бы он знал правду...) соскреб краску монеткой, он был озабочен тем же, чем я –

фактурой бычьей телесности... Так вот: бронза! Эта была, несомненно, бронза! Да, это бронзовые быки – с инородными, по-видимому, бетонными включениями в месте отсутствия бронзы. Краска должна была скрыть дефекты; до поры до времени это ей удавалось. Курицына смутили цвет быков и, в первую очередь, оголившиеся протезы (хвост, по крайней мере, левого быка был не «родной»), но лично я мог вздохнуть с облегчением: как бы не латали быков, чем бы ни красили их, передо мной стояли исторические быки, те самые – Демут-Малиновского.

Что ж, хорошо. Теперь нам не удастся обойти молчанием почти мистическую, связанную с этими быками историю. Она известна, но мы кое-что к ней добавим. Широкой общественности поведал ее петербургский краевед В. В. Нестеров – в знаменитой книге «Львы стерегут город» (1971). После того, как Н. А. Синдаловский украсил ее пересказ мотивом вещего сна, история эта стала весьма популярна, попала на полосы даже московских газет. Речь идет об операции по спасению бронзовых быков в начале войны. Бронзовые фигуры быков переместили подальше от линии фронта в другую часть города, и не куда-нибудь, а на территории

Александрово-Невской лавры, где на Тихвинском кладбище, по совпадению, покоился прах самого Демут-Малиновского. Быки как бы пришли к могиле их создателя. СобираТЕЛЬ городского фольклора Н. А. Синдаловский по сему поводу излагает легенду о странном сне, будто бы когда-то приснившемся Демут-Малиновскому: бронзовые быки, недавно им сотворенные, пришли к Демут-Малиновскому в гости, домой. Что это значило, сновидец разгадать не мог. А мы, значит, знаем. С легкой руки Синдаловского рассказ о мистической встрече на кладбище теперь излагают непременно вкупе вместе со сном скульптора. Не знаю, в каких кругах бытовала легенда о сне Демут-Малиновского, но и без этого сна совпадение более чем выразительное. Есть тут один неучтенный нюанс...

Дело в том, что Демут-Малиновский, скончавшийся в 1846 году, был похоронен не на Тихвинском, а совсем на другом кладбище – на Смоленском. Через пять лет там же была погребена его жена Елизавета Феодосиевна – суждено ей было лежать вместе со своим отцом, скульптором Ф. Ф. Щедриным, под единым надмогильным памятником, жертвенником из гранита. Такой же памятник был на могиле С. Ф. Щедрина, ху-

дожника-пейзажиста, ее дяди.* В тридцатые годы двадцатого века два кладбища на территории Александро-Невской лавры, Лазаревское и Тихвинское, обрели статус мемориальных. Лазаревское превратилось в музей – Некрополь XVIII века. Поскольку братья Щедрины как творцы принадлежали этому веку, их в числе других знаменитостей перезахоронили на Лазаревском, сюда же перенесены оба памятника. Дочь была перезахоронена с отцом. А спустя несколько лет и самого Василия Ивановича Демут-Малиновского – по несомненности заслуг – перезахоронили на соседнем Тихвинском, названном в ту пору «Некрополем мастеров искусств и современников А. С. Пушкина».

А лежал Василий Иванович в своей первой могиле на Смоленском кладбище без малого век. И стояли быки на одном месте долгие годы.

Получается, что потревожили прах Демут-Малиновского как раз тогда, когда отправили его быков на край города к «мясному гиганту».

* Художественное надгробие в собрании Государственного музея городской скульптуры. Научный каталог. Общ. редакция В. Н. Тимофеева, составители А. А. Алексеев, Ю. М. Пирютко, В. В. Рытикова. – Т. 2. С. 66, 67. Т. 3. С. 318–320.

А еще получается, что мужа и жену разлучили, и покоятся они теперь на разных кладбищах, хотя и соседних, отделенных друг от друга двумя каменными стенами.

Памятник на могиле Василия Ивановича появился лишь перед войной. А в начале войны случилась эта история с приходом быков к нему.

Так что не просто быки приходили к своему создателю, но и сам создатель совершал необъяснимый путь им навстречу.

Что-то слишком оно причудливое, невероятное совпадение (если оно – совпадение...) – даже для нашего, ко всему уже, казалось бы, привыкшего города.

Октябрь 2007